

Качество: бескорыстие

Качество: ЗА РУКУ С БОГОМ

Елена Дубровская

– На, пей. Не торопись. Пей спокойно. – Мишка держал в руке бутылку с водой, как соску, и поил из неё огромную черную овчарку, привязанную к столбу перед входом в магазин.

– А ну, отойди от собаки! Кому говорю, отойди сейчас же, а то сейчас милицию вызову!
– Женщина лет пятидесяти с темным одутловатым лицом угрожающе надвигалась на Мишку.

– Он у вас пить очень хотел.

– Я сама знаю, чего он хочет, а чего нет. Правда, Рексушка? Ты зачем чужих к себе подпускаешь?

– Вы просто ему чаще пить давайте...

– Я что, непонятно сказала? Давай отсюда! Ишь, умник нашёлся. Все, Рекс, домой! Нагулялся.

Хозяйка резко дёрнула за поводок и уверенно, не оборачиваясь, зашагала по дороге. Рекс обречённо плёлся за хозяйкой, то и дело оглядываясь на дверь магазина, за которой скрылся мальчик, понимающий собачий язык.

Мишка тем временем купил себе батон за двадцать семь рублей и поудобнее устраивался на батарее возле камер хранения, чтобы съесть его со всем возможным комфортом.

– Мальчик, подай, сколько можешь, Христом Богом прошу. Не ел уже несколько дней. Да и болею сильно.

Страшный, не вполне протрезвевший человек без пола и возраста протягивал к Мишке худую, грязную ладонь.

– Вот, возьмите хлеб.

– А денег нет?

– Деньгами нельзя, только едой можно.

– Много ты знаешь...

Миша положил в протянутую ладонь батон, слез с теплой батареи и направился к выходу.

Посмотрев на серое небо, в котором уже целый месяц не было ни единого просвета, он подумал, что это, наверное, оттого, что все грустные мысли людей, все слезы и отчаянья собрались вместе и закрыли солнце. И тут Мишка услышал детский плач, вернее рёв. Маленькая девочка, лет трех, рыдала навзрыд.

– Ты прекратишь орать? Сколько можно! Стоишь тут и на всю улицу меня позоришь. Сейчас домой придём, я тебе устрою концерт – выпорю так, что мало не покажется! – кричала на неё мама, вид которой не предвещал ничего хорошего.

Мишка подошёл к девочке и достал из портфеля чистую влажную салфетку.

– Держи и не плачь, а то дождь польёт. А вы, пожалуйста, не расстраивайтесь так, – Миша смотрел на рассерженную молодую женщину. – Вы не кричите на неё. Когда она вырастет, то станет очень известной пианисткой, или врачом, или художницей и принесёт радость тысячам людей. Но чтобы это случилось, сейчас вы должны принести радость только ей, ей одной.

Садясь в автобус, Мишка видел, как они обнимались посреди тротуара, посреди Вселенной. «Это же так нетрудно, приносить радость близким», – думал мальчик.

Через двадцать минут он уже заходил домой, в Детский дом № 1. На пороге его встречала взволнованная Зинаида Петровна, старший воспитатель и, по совместительству, большой Мишкин друг.

– Почему так долго? Уроки два часа назад закончились.

– Я погулял немного.

– Пойдём. Тебя там ждут.

В маленькой гостевой комнате все подоконники были уставлены цветами, на стенах висели детские рисунки. Немолодые мужчина и женщина, по-видимому, сидели здесь довольно давно. Она не сводила глаз с собственных рук, нервно теребящих ремешок сумки, он внимательно разглядывал рисунки.

– Вот, познакомьтесь, это Миша, о котором я вам рассказывала. Миша, это Алевтина Павловна, а это Николай Николаевич.

– Здравствуй, Миша.

Алевтина Павловна встала и оказалась очень высокой и худой. На Мишку она смотрела какими-то несчастными, виноватыми глазами. Николай Николаевич, наоборот, по-деловому протянул руку для пожатия. Рука у него была сухая и тёплая, а пожатие доброе и уверенное.

Миша посмотрел на них, обернулся на Зинаиду Петровну – и вдруг затараторил, да так быстро, громко, как будто боялся, что его перебьют или он не успеет всё сказать.

– Вам меня не надо брать. Мне здесь хорошо. Вам надо Олю взять. Олю Белкину. Она, знаете, какая хорошая! Она петь любит, вышивать умеет. У неё в школе ни одной тройки нет. Ей плохо очень, ей семья нужна. Она, знаете, как вас любить будет! Да вас так в жизни никто никогда не любил! Она вам самой хорошей дочкой будет. Зинаида Петровна, скажите, что им Оля Белкина нужна!

Повисла какая-то тяжёлая тишина. Тяжелая, наверное, потому, что в ней было сразу столько всего – неловкость, слёзы, сострадание и вина, вина за всё это.

– Иди, Миша, иди к себе в комнату.

Зинаида Петровна проводила его до двери.

– Ну, что будем делать дальше?

Николай Николаевич взял за руку жену и, не отводя взгляда от её влажных глаз, сказал:

– Будем знакомиться с Олей Белкиной.

Алевтина Петровна с благодарностью смотрела на мужа.

Вечером в столовой Зинаида Петровна и Миша пили чай.

– Миш, ты скоро всех тут так разрекламируешь, что только мы вдвоём и останемся. Что будем делать тогда? Кого я воспитывать буду?

– Зинаида Петровна, вам уезжать надо.

– Так, теперь за меня взялся. И куда я, по-твоему, должна ехать, мистер всезнайка?

– К мужу, в Ижевск. Он ждёт вас. Вас и вашу дочь.

– Какую дочь? Ты о чём?

– О Наташе, как о чём. Вы же из-за неё не поехали. Вы её любите по-настоящему, а признаться себе в этом не можете. У вас будет очень крепкая, дружная семья, честное слово. Ваш Слава Наташу как родную дочь будет любить.

Зинаида Петровна смотрела на Мишку и хорошо понимала, что этот мальчик прав. И в свои одиннадцать лет он знает куда больше, чем она, и сердце у него чище, и сострадания больше.

– Откуда ты такой? Откуда ты всё знаешь? Тебе что, ангел-хранитель на ухо шепчет?

Через месяц, после оформления всех бумаг об удочерении, ребята провожали Зинаиду Петровну и Наташку в Ижевск. Все плакали, смеялись, и было очень здорово. А потом возвращались домой, в детский дом №1. Все шли парами, и Мишка тоже шёл парой – за руку с Богом.